

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

А.А. Бронзов

**К характеристике наиболее
существенных особенностей
нравственного мировоззрения
Филиппа Меланхтона**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1897. № 5. С. 772-787.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБДА
Санкт-Петербург
2009

КЪ ХАРАКТЕРИСТИКЪ

наиболѣе существенныхъ особенностей нравственнаго міровоззрѣнія Филиппа Меланхтона (по поводу исполнившагося 400-лѣтія со дня его рожденія) ¹⁾.

НОМУ неизвѣстно имя Меланхтона—этого Лютерова сподвижника, которому нѣмецкая реформація XVI-го вѣка, быть можетъ, „даже больше обязана своимъ происхожденіемъ, чѣмъ самому Лютеру?“ ²⁾ Всякій, заглядывавшій даже въ краткій учебникъ по всеобщей исторіи, знаетъ, по крайней мѣрѣ, кое-что объ участіи Меланхтона въ дѣлѣ западнаго реформаторскаго движенія. Но едва-ли многимъ хотъ что-нибудь извѣстно объ его *нравственномъ міровоззрѣніи*, объ особенностяхъ послѣдняго. А между тѣмъ этические взгляды занимаютъ во всемъ вообще его міровоззрѣніи весьма видное мѣсто. „Догматическое“, напр., „мышленіе его опредѣляется преимущественно этической точкою зрѣнія“ ³⁾ и т. д. Положимъ, что разсматриваемое само по себѣ—нравственное міровоззрѣніе Меланхтона чего-либо необыкновеннаго, чего-либо особенно выдающагося изъ однородныхъ съ нимъ явленій того времени не представляетъ,

¹⁾ Меланхтонъ родился 4-го Февраля 1497 года.

²⁾ Лютеръ „былъ болѣе разрушительный геній, а Меланхтонъ болѣе созидательный, и онъ именно способствовалъ выработкѣ того положительнаго содержанія протестантизма, какое имѣется въ немъ“. — См. „Церк. Вѣст.“ 1897 г.; № 6; стр. 194.

³⁾ Luthardt: „Geschichte der christlichen Ethik“; Zweite Hälfte. Leipzig 1893. S. 38.

но ознакомленіе съ нимъ не должно быть сочтено излишнимъ для читателей. На Западѣ (въ протестантской Германіи) „400-лѣтняя годовщина Меланктонова рожденія“ была „отпразднована съ большимъ оживленіемъ“¹⁾. Это, конечно, и понятно. Для насъ Меланхтонъ, разумѣется, интересенъ не какъ дѣятель въ исторіи нѣмецкаго протестантизма, но какъ мыслитель. Для насъ интересно, внесъ-ли онъ какую-либо свѣжую струю въ римско-католическую, исполненную схоластицизма, іезуитскаго казуистицизма..., этику, или нѣтъ?.. Во всякомъ случаѣ, наша настоящая небольшая статья не можетъ быть сочтена къмъ-либо несвоевременною.

Специфическія особенности нравственнаго міровоззрѣнія Меланхтона стоятъ въ зависимости отъ тѣхъ условій, при какихъ оно слагалось. Этихъ условій было не мало. Укажемъ болѣе выдающіяся изъ нихъ. Съ одной стороны, Меланхтонъ былъ представитель гуманизма. „Читая въ Тюбингенѣ лекціи о римскихъ классикахъ и по греческой грамматикѣ“, а затѣмъ „въ Виттенбергѣ“ занимая „кафедру греческаго языка“²⁾, онъ былъ прекрасно знакомъ съ классическою древностью. Это знакомство естественно не могло остаться безъ извѣстнаго вліянія на его міровоззрѣніе. Такъ или иначе, но оно должно было отразиться на послѣднемъ, между прочимъ, и на нравственной его сторонѣ. Въ частности, Меланхтонъ не могъ игнорировать воззрѣній Аристотеля, господствовавшего въ схоластическую эпоху надъ умами западныхъ богослововъ, не потерявшаго надъ ними вліянія и въ эпоху реформациі³⁾. Съ этими воззрѣніями онъ долженъ былъ такъ или иначе считаться. А разъ онъ былъ выразителемъ гуманизма, уже заранѣе можно предполагать, какъ именно къ нимъ онъ отнесется. Съ другой стороны, Меланхтонъ былъ христіанскій мыслитель. Его классическія симпатіи должны были встрѣтиться съ христіанскими. Или однѣ изъ нихъ должны были быть принесены въ жертву другимъ, или тѣ и другія могли быть счастливо объединены, безъ какого-либо ихъ насильственнаго стѣсненія (если только это дѣйствительно было

¹⁾ „Церк. Вѣстникъ“; *ibid.*; стр. 193—194.

²⁾ „Энциклопедич. Словарь“ Брокгауза и Ефрона, т. XIX (СПБ. 1896 г.); стр. 17.

³⁾ См. наше изслѣдованіе: „Аристотель и Ѡ. Аквианъ въ отношеніи къ ихъ ученію о нравственности“ (СПБ. 1884 г.); стр. 233 и слѣдующ.

мыслимо). Подобное положеніе, конечно, было неново. Меланхтонъ имѣлъ предъ собою немалый сонмъ богослововъ, такъ или иначе пытавшихся примирить между собою христіанскія нравственныя начала и языческія (преимущественнѣйшимъ образомъ аристотелевскія). Онъ могъ принять во вниманіе какъ слабыя стороны ихъ попытокъ, такъ и противоположныя (если таковыя были), чтобъ самому избѣжать первыхъ и воспользоваться вторыми. *Съ третьей стороны*, Меланхтонъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ Лютера, наложившимъ на него довольно существенный отпечатокъ и особенно понятнымъ въ виду извѣстной мягкости и уступчивости, характеризовавшихъ нашего гуманиста, и проч.

Насколько, въ частности, и какъ отразились на Меланхтонѣ всѣ такого рода вліянія и воздѣйствія, отмѣтимъ при самомъ разсмотрѣніи отдѣльныхъ, наиболѣе характерныхъ, пунктовъ правоучительной системы этого гуманиста, къ чему сейчасъ и переходимъ.

До временъ реформаціи, какъ извѣстно, христіанская этика въ смыслѣ особой отъ христіанской догматики науки не существовала: первая занимала въ отношеніи ко второй подчиненное положеніе, служа только частью послѣдней. Настоятельная необходимость выдѣленія областей этикъ двухъ наукъ—одной изъ другой, обусловливаемая интересами ихъ, однако, еще не сознавалась богословами—моралистами. Она не была признана и Меланхтономъ, въ этомъ случаѣ оставшимся вѣрнымъ полученному имъ отъ католическихъ богослововъ наслѣдію. Выдѣленіе христіанской этики изъ области христіанской догматики было сдѣлано лишь только по смерти Меланхтона ¹⁾ Ламбертомъ Дано (въ 1577 г.) ²⁾—богословомъ, принадлежавшимъ къ реформаціонному движенію. Итакъ, у Меланхтона христіанская этика и христіанская догматика существуютъ еще совмѣстно. Взаимныя попытки ихъ обособленія одной отъ другой, Меланхтонъ предпринималъ другую: отвоевать „философской“ этикѣ „извѣстное самостоятельное значеніе“ въ отношеніи къ „богословской“. Но эта попытка въ сущности не оказалась болѣе или менѣе блестящею. Въ

¹⁾ Меланхтонъ умеръ въ 1560 г. 19 Апр. (см. „Энциклоп. Слов.“ Брокг. и Ефр.: цитов. томъ; стр. 18).

²⁾ См. нашу статью въ „Христ. Чтеніи“ (1896 г.; Сент. — Октябрь): „Забытый юбилей“.

видахъ ея осуществленія, Меланхтонъ „раздѣляетъ“ другъ отъ друга „законъ и Евангеліе“. Къ сферѣ перваго „прежде всего“,—разсуждаетъ Меланхтонъ, — „принадлежитъ естественный законъ, образующій предметъ нравственной философіи“ или, что тоже, философской этики. „Lex naturalis отличается, съ одной стороны, отъ положительнаго права юристовъ и, съ другой, отъ Евангелія, которое“, помимо всего прочаго, „включаетъ въ себя еще обѣтованіе благодати. Но, такъ какъ при этомъ Меланхтонъ старается привести естественный нравственный законъ въ согласіе съ 10-словіемъ и такъ какъ онъ усматриваетъ пользу этого философскаго ученія о добродѣтели прежде всего въ познаніи Бога и Его праведности, то отсюда раздѣленіе закона и Евангелія, философской и богословской морали, удается ему только въ очень несовершенномъ видѣ“¹⁾. Сверхъ этого, „въ сущности богословскимъ“ характеромъ отмѣчены и тѣ „основанія, какія Меланхтонъ предлагаетъ для“ доказательства „пользы и необходимости философской“ этики. Изслѣдованіе предмета послѣдней—„естественнаго закона“, какъ „части legis Dei“, какъ имѣющаго въ основѣ подъ собою „mandatum Dei“, конечно, весьма полезно: оно поможетъ человѣку поставить себя въ нормальныя отношенія къ требованіямъ божественной воли. Это—разъ. Во вторыхъ, „уча насъ избѣгать наказаній за преступленіе закона, этика, въ третьихъ, способствуетъ сохраненію мира и спокойствія въ средѣ человѣческаго общества и, наконецъ, она, какъ и самый законъ, служитъ *тѣстунюмъ* ко Христу“. Усматриваютъ, что, приводя „два послѣднихъ основанія“, Меланхтонъ находится подъ вліяніемъ Лютера²⁾.

Таковъ взглядъ Меланхтона на положеніе христіанской этики: она не выдѣлена имъ въ особую отъ христіанской догматики науку; не сдѣлано имъ и болѣе или менѣе надлежащаго обособленія „богословской“ морали и „философской“. Теперь перейдемъ къ характеристикѣ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ вопросовъ, относящихся къ нравственной области и раскрываемыхъ Меланхтономъ.

Первый вопросъ, какой въ данномъ случаѣ требуетъ освѣ-

¹⁾ „Geschichte der christlichen Ethik“ von Theob. Ziegler. Strassburg. 1886. S. 457.

²⁾ Ibid. S. 457.

щенія, касается человѣческой свободы воли. Свободенъ ли человѣкъ въ такой степени, чтобъ онъ могъ болѣе или менѣе выполнить возлагаемыя на него нравственнымъ закономъ обязанности? Предъ Меланхтономъ были два отвѣта на вопросъ, болѣе другихъ интересныя для него. Съ одной стороны, Аристотель ¹⁾ училъ, что „и добрыя, и злыя поступки человѣка вполне свободны, что при совершеніи ихъ человѣкъ остается полнымъ ихъ господиномъ отъ начала и до конца выполненія ихъ“... ²⁾ Съ другой стороны, Лютеръ проповѣдывалъ, что съ грѣхопадениемъ (въ раю) человѣкъ потерялъ свою свободу, по крайней мѣрѣ, въ томъ смыслѣ, что онъ, предоставленный самому себѣ, уже не въ состояніи совершать добрыхъ, согласныхъ съ требованіями нравственнаго закона, дѣлъ; и если у него еще остается свобода, то развѣ только въ дѣлахъ обычныхъ, „житейскихъ“, „мірскихъ“, свобода къ совершенію злыхъ поступковъ. Отсюда естественно возникалъ взглядъ на добродѣтели естественнаго человѣка (язычника) отрицательный: если бл. Августинъ называлъ ихъ „блестящими пороками“ (*splendida vitia*), то, согласно съ нимъ, съ неодобрениемъ къ языческому добродѣланію относится и Лютеръ ³⁾... На первыхъ порахъ Меланхтонъ, находясь подъ обаяніемъ личности Лютера, обнаруживалъ нѣкоторыя симпатіи въ сторону его взглядовъ на дѣло. Но на этомъ остановиться онъ не могъ; мрачныя воззрѣнія Лютера удовлетворить, успокоить его не могли. Симпатичная точка зрѣнія Аристотеля, духъ котораго, какъ и вообще классицизма, Меланхтонъ привилъ къ себѣ своимъ гуманистическимъ образованіемъ и своими такого же характера занятіями, постепенно брала верхъ и видоизмѣнила воззрѣнія этого гуманиста. Онъ уже не мирится съ мыслью, что грѣхъ всецѣло искоренилъ въ человѣкѣ его свободную волю,

¹⁾ По невѣрному мнѣнію Лютера, Цицеронъ (съ его „*de officiis*“) долженъ быть поставленъ выше Аристотеля. Болѣе дальновидный Меланхтонъ, специально изучавшій и того, и другого мыслителя древности, разсуждаетъ, однакожъ, иначе. Его взгляды, какъ увидимъ, перѣдко служатъ такимъ или инымъ отраженіемъ воззрѣній Аристотеля (въ первое время онъ, впрочемъ, „подъ вліяніемъ Лютера“, относился и къ данному греческому философу, и вообще къ философіи „недружелюбно“: Ziegler; S. 454).

²⁾ См. *выше* изслѣдов.: „*Аристотель etc.*“; стр. 139.

³⁾ Ziegler, S. 445.

превративъ его въ „статую“. Напротивъ, онъ утверждаетъ, что человекъ и по грѣхопадѣніи обладаетъ свободою, „нѣкоторою свободою движенія“, необходимою для проявленія такъ называемой „гражданской справедливости“, — что „и при обращеніи“ человека его личное я „не“ остается „вполнѣ недѣятельнымъ“ предъ лицомъ божественной благодати. Меланхтономъ выдвигаются „три фактора: слово, Св. Духъ и человеческая воля (non sane otiosa, sed repugnans infirmitati suae; assentiens, non repugnans verbo Dei; facultas se applicandi ad gratiam). Эти три causae agentes concurrunt, conjunguntur“¹⁾. Отрицательно отнесясь къ Лютеру возрѣнію на сущность человеческой свободы, Меланхтонъ естественно такимъ же образомъ поставилъ себя и по отношенію къ стоящему въ непосредственной связи съ тѣмъ вопросомъ вопросу о „предопредѣленіи“, не находя возможнымъ оправдать ученіе о послѣднемъ ни съ точки зрѣнія данныхъ „библейскихъ“, ни съ другихъ²⁾. Но такая перемѣна взгляда на разсматриваемый вопросъ произошла съ Меланхтономъ лишь съ теченіемъ нѣкотораго времени, между тѣмъ какъ на первыхъ порахъ „августиновское ученіе о предопредѣленіи“ казалось ему заслуживающимъ симпатичнаго къ нему отношенія³⁾. Вліяніе бл. Августина и Лютера, какому Меланхтонъ поддавался въ первое время, затѣмъ въ извѣстной степени гаснетъ предъ его умомъ, желавшимъ, не ограничиваясь внѣшнимъ стороннимъ рѣшеніемъ тѣхъ или иныхъ вопросовъ, уяснить ихъ по ихъ существу. Въ данномъ случаѣ безспорно помогло ему его гуманистическое образованіе.—Разъ человекъ признанъ правоспособнымъ къ совершенію нравственно-добрыхъ поступковъ, естественно, что послѣдніе должны имѣть цѣну. Меланхтонъ въ сущности такъ на нихъ и смотритъ, хотя въ данномъ случаѣ всѣ его разсужденія отмѣчены печатью нѣкотораго „колебанія“, отъ котораго онъ не можетъ освободиться, лишь только заходитъ вопросъ о томъ, „необходимы ли добрыя дѣла для“ достиженія человекомъ „блаженства“. Къ слову сказать: подобнаго рода „колебаніе туда и сюда“ вообще—„характерно по отношенію къ Меланхтону,

¹⁾ Ziegler; S. 454—455.

²⁾ Ibidem; S. 455.

³⁾ Ibid. S. 454.—Ср. Л. Писарева „Ученіе бл. Августина... о человекѣ въ его отношеніи къ Богу“ (Казань. 1894 г.); стр. 300 и слѣдующія.

вѣчно лавирующему между двумя точками зрѣнія: религиозной и этической, богословской и философской, теоцентрической и антропологической или гуманистической“. Не безъ основанія усматриваютъ здѣсь вліаніе аристотелевской „средности“ (*mediocritas, medietas, μεσότης*)¹⁾... Признавая нравственную цѣну за добрыми дѣлами, Меланхтонъ и здѣсь оказывается отступившимъ отъ своего первоначальнаго мнѣнія по данному вопросу, являвшагося отголоскомъ лютеровскаго. Лютеръ, какъ извѣстно, не признавалъ за добрыми дѣлами надлежащаго значенія, что, разумѣется, находилось въ прямомъ соотношеніи съ его взглядомъ на человѣческую свободу. Разъ человѣкъ, павшій можетъ творить только зло, разъ, безъ содѣйствія божественной помощи, онъ не въ состояніи проявлять согласной съ велѣніями нравственнаго закона дѣятельности, выводъ ясенъ: цѣнность добрыхъ дѣлъ является болѣе, чѣмъ сомнительною²⁾... Обстоятельствомъ, вліявшимъ на перемѣну образа мыслей Меланхтона въ настоящемъ случаѣ, несомнѣнно должно быть признано въ извѣстной степени воздѣйствіе взглядовъ все того же Аристотеля.

„Исходнымъ пунктомъ всего нравственнаго мировоззрѣнія Аристотеля, центромъ, около котораго все послѣднее сосредоточивается“, служить „высочайшее благо“³⁾. Сущность аристотелевскихъ разъясненій послѣдняго такова: „высочайшее благо—центральная цѣль, къ которой стремится все безъ исключенія; оно сказывается съ чертами *eὐδαιμονίας; eὐδαιμονία*, вообще состоя въ разумной дѣятельности человѣка, въ частности, сказывается или какъ теоретическая, чистая дѣятельность разума, или же какъ дѣятельность чисто-практической нравственности, при чемъ къ числу далеко не существенныхъ элементовъ *eὐδαιμονίας* относятся еще: внѣшнія блага (=дополненія *eὐδαιμονίας*) и удовольствіе (неизбѣжный спутникъ всякой вообще дѣятельности и, конечно, *eὐδαιμονίας*)“⁴⁾. Заводя рѣчь о „*finis hominis*“, Меланхтонъ, при всемъ своемъ расположеніи къ Аристотелю, долженъ былъ, не ограничиваясь воззрѣніями послѣдняго, привести новые (христіанскіе) элементы: одинъ—тотъ, что человѣкъ, по христіанскому

1) Ziegler; S. 455—456.

2) Ibid. S. 444. 454.

3) См. наше изслѣдов. „Аристотель etc.“: стр. 99.

4) Ibid. стр. 100.

воззрѣнію, „образъ Божій“, и другой, что, по тому же воззрѣнію, конечнымъ пунктомъ, къ какому должно направиться все нравственное поступаніе человѣка, является „Богъ“. Отсюда „summi bonum“ для человѣка, по ученію Меланхтона, есть „Самъ Богъ или точнѣе: agnoscere Deum eique obedire et eius gloriam patefacere et illustrare et tueri societatem humanam propter Deum“⁴. Такимъ образомъ, аристотелевское понятіе о высочайшемъ благѣ Меланхтономъ, такъ сказать, „охристіанизовано“. У самого же Аристотеля, какъ извѣстно, вся этика лишена религіозныхъ основаній, она—безрелигіозна, такъ что по вопросу о высочайшемъ благѣ для Меланхтона могли сослужить службу не столько „матеріальныя“, сколько „формальныя“ разясненія дѣла¹)... Изъ древне-классическихъ воззрѣній по вопросу о высочайшемъ благѣ имѣя эпикурейское и стоическое, Меланхтонъ относится и къ тому, и къ другому отрицательно, неодобрительно. Вопреки эпикурейской школѣ, „полагавшей, что высочайшее благо (или, что тоже, εὐδαιμονία) тождественно съ удовольствіемъ (отчасти духовнымъ, отчасти тѣлеснымъ)“²), Меланхтонъ, какъ моралистъ христіанскій, выставляетъ „христіанское понятіе креста“, крестоношенія³), совершенно видоизмѣняющее дѣло. Не мирится онъ и съ ученіемъ стоической школы. Хотя стоическое ученіе, по которому „добродѣтель сама только по себѣ совершенно достаточна для того, чтобъ εὐδαιμονία имѣла мѣсто“⁴), и отличается возвышенностью, но оно естественно не удовлетворяетъ Меланхтона, какъ „богослова“ и какъ „христіанина“⁵). Ученіе Аристотеля о значеніи „вышнихъ благъ“.., имѣющемъ мѣсто въ рѣчи объ εὐδαιμονία, конечно, должно было извѣстнымъ образомъ повліять и на Меланхтона. И вотъ послѣдній утверждаетъ, что „подлѣ высочайшаго блага заслуживаютъ имени благъ еще и другія вещи“.., при чемъ „ему не удастся найти внутреннее отношеніе между тѣмъ и этими“ и проч.⁶). Между тѣмъ Аристотель обставилъ эту сторону дѣла въ общемъ удачно⁷)...

¹) См. наше изслѣд.: „Аристотель etc.“; стр. 96--98.—Luthardt'a цитов. сочин.; S. 49.—Ziegler; S. 458.

²) См. наше изслѣд.: „Аристотель etc.“; стр. 221.

³) Ziegler; S. 458.

⁴) См. наше изслѣд.: „Аристотель etc.“; стр. 221.

⁵) Ziegler; S. 458.

⁶) Ibidem.

⁷) См. наше упомянут. сочин.; стр. 112 и слѣдующія.

Выяснивъ сущность высочайшаго блага, Меланхтонъ раскрываетъ и условія, дающія человѣку возможность достигнуть обладанія тѣмъ. Такими, обусловливающими дѣло, моментами являются добродѣтели человѣка. Но чтобъ смыслъ, послѣднихъ могъ быть понятъ правильно,—въ частности, чтобъ были надлежащимъ образомъ освѣщены „причины“ (causae) и „различія добродѣтелей и пороковъ“ (discrimina virtutum et vitiorum), для этого необходимо, по словамъ Меланхтона, предварительное ознакомленіе съ человѣческой душою. Здѣсь опять призывается на помощь Аристотель. „Признавая существованіе неразумной и разумной частей души, Аристотель дѣлаетъ далѣе также подраздѣленіе и ихъ, въ свою очередь, на части: неразумной—на душу питающую или растительную и душу пожелательную или стремительную и разумной—на душу, имѣющую разумъ въ самой себѣ и на обдумывающую“. Такого рода „психологическія“ данныя и легли въ основу „этическихъ воззрѣній“ Аристотеля ¹⁾. Меланхтонъ въ „основу добродѣтели“ полагаетъ „стремленія и аффекты“ ²⁾, числомъ три: „appetitiones vegetativae, sensuum, voluntatis“, какъ разъ „въ соотвѣтствіи съ растительнымъ“ и др. „принципами“, выставленными Аристотелемъ ³⁾. Здѣсь опять съ Меланхтономъ произошла нѣкоторая метаморфоза. Дѣло въ томъ, что сначала онъ отрицательно относился къ значенію аффектовъ для нравственно-доброй жизни человѣка: „omnes virium humanarum affectus et conatus esse pessata“... Откуда его симпатіи должны были бы склониться къ стойкамъ съ ихъ „ἀπάθεια“. Но, какъ и въ другихъ случаяхъ, и здѣсь Меланхтонъ съ теченіемъ времени измѣнилъ свой суровый взглядъ на аффекты, поддавшись, конечно, вліянію Аристотеля. При этомъ стойческое ученіе объ ἀπάθεια подвергается съ его стороны неодобрительной оцѣнкѣ ⁴⁾.

Но что-же такое — добродѣтель? „Добродѣтель, определяемая Меланхтономъ, какъ habitus, qui inclinatur voluntatem ad obediendum rectae rationi, покоится на естественной склонности, на темпераментѣ и стремленіи, далѣе—на обученіи и

¹⁾ Ibid.; стр. 95—96 и 93—94.

²⁾ Ziegler; S. 458.

³⁾ Luthardt; S. 49.

⁴⁾ Ibid.; S. 49. 50.

воспитаніи и, наконецъ, на привычкѣ и упражненіи“¹⁾. Пока остановимся на этомъ. Воѣ, отмѣчаемая Меланхтономъ, стороны дѣла заимствованы у Аристотеля. Этого, какъ извѣстно, опредѣляетъ добродѣтель, какъ *ἕξις*—*habitus* (свойство, навыкъ). Онъ же учитъ о „разумной дѣятельности души чело-вѣка“, которая, т. е., дѣятельность, „соотвѣтствуетъ добродѣтели“ и т. д. „Умственные добродѣтели“, по Аристотелю, „образуются и развиваются подъ исключительнымъ воздѣйствіемъ обученія и наставленія“, а „такъ называемая этическая добродѣтель становится достояніемъ чело-вѣка чрезъ упражненіе и привычку... Мы становимся добродѣтельными при посредствѣ привычки, имѣя отъ природы склонность, расположеніе къ этому, дѣятельно развивая врожденные намъ способности, упражняясь въ дѣлахъ добродѣтельныхъ“²⁾... Предлагая дальнѣйшую характеристику *habitus'a*, Меланхтонъ продолжаетъ пользоваться все тѣмъ-же источникомъ, т. е., Аристотелемъ. „*Virtus*“, говоритъ онъ, „*est habitus electivus in mediocritate consistens, quoad nos ratione aliqua, ut sapiens judicat*“³⁾. Слова Меланхтона—воспроизведеніе положеній Аристотеля, слѣдующимъ образомъ опредѣляющаго добродѣтель: „добродѣтель есть прочный намѣренный навыкъ, сохраняющій соотвѣтствующую каждому изъ насъ средину между излишествомъ и недостаткомъ, притомъ, средину, опредѣляемую разумомъ и благоусмотрѣніемъ умныхъ людей“⁴⁾... Пользуясь Аристотелемъ, Меланхтонъ считаетъ его „достойнымъ наивысшей похвалы за то, что онъ *unus definit virtutes esse mediocritates. Nam formale virtutis est ipsius affectus moderatio*“⁵⁾. Но, будучи христіанскимъ моралистомъ, Меланхтонъ, конечно, заводитъ рѣчь и о Св. Духѣ, объ Его значеніи въ дѣлѣ нравственнаго преуспѣянія чело-вѣка. Онъ говоритъ, что Св. Духъ является началомъ, „*adjuvans et impellens humanas vires*“⁶⁾... По христіанскому ученію, чело-вѣкъ, стремящійся къ проведенію въ свою жизнь нравственно-добрыхъ началъ, заботится о возможномъ „иско-

1) Ziegler; S. 458.

2) См. наше упомян. изслѣдов.; стр. 107. 119. 120 и друг.

3) См. у Luthardt'a: S. 49.

4) См. наше упомян. изслѣдов.; стр. 124.

5) Luthardt; S. 49.

6) Ziegler; S. 458.

рененіи“, о возможномъ уничтоженіи въ себѣ всѣхъ грѣховныхъ началъ, всѣхъ беспорядочныхъ влеченій, „отремленій“ и проч., унаслѣдованныхъ имъ отъ прародителей; по ученію христіанскаго (!) богослова Меланхтона, такое „искорененіе“, уничтоженіе... не нужно, необходимо только „moderatio“¹⁾... Эстетическая точка зрѣнія Аристотеля, его мѣрность и размѣренность, словомъ, въ извѣстной степени воплотились и въ Меланхтонѣ.

Приступая къ характеристикѣ отдѣльныхъ проявленій добродѣтельной настроенности человѣка, къ выясненію отдѣльныхъ добродѣтелей, Меланхтонъ подводитъ ихъ подъ группы. Въ качествѣ руководящаго начала онъ беретъ 10-словіе, рассматриваетъ содержаніе заповѣдей первой и второй его таблицъ и, соотвѣтственно этому, дѣлитъ требуемыя отъ человѣка нравственнымъ закономъ добродѣтели на два вида: одніѣ, опредѣляющія его отношеніе къ Богу, и другія — къ ближнимъ. При этомъ, вниманіе Меланхтона подмѣтило слѣдующее обстоятельство. Аристотелю, съ его безрелигіозной моралью, конечно, чужды были представленія о какомъ-то добродѣтельномъ поступаніи человѣка въ отношеніи къ Божеству. Другимъ нехристіанскимъ моралистамъ, не знавшимъ „Евангелія“, добродѣтели, предполагаемая первой таблицей 10-словія, могли быть такъ или иначе извѣстны лишь отчасти и обыкновенно въ языческомъ смыслѣ, поскольку до „тѣни“ этихъ добродѣтелей они могли добратъся при помощи находившихся въ ихъ распоряженіи естественныхъ средствъ руководствовавшихъ къ Богопознанію. Отсюда Меланхтонъ не предлагаетъ подробной рѣчи о добродѣтеляхъ этого рода. Его вниманіе вмѣсто того обращается съ любовью къ добродѣтелямъ, характеризующимъ отношеніе человѣка къ людямъ. Причина этого, конечно, понятна: эти добродѣтели обыкновенно извѣстны и языческимъ моралистамъ. Отсюда у Меланхтона съ ними могли быть тѣ или иныя точки соприкосновенія. Чѣмъ больше, при этомъ, Аристотель рассуждаетъ объ извѣстной добродѣтели, тѣмъ подробнѣе, въ свою очередь, характеризуетъ ее и Меланхтонъ, и наоборотъ. Вліяніе Аристотеля, такимъ образомъ, сказывается даже и на этой сторонѣ дѣла. Съ особенною подробностію Аристотель трак-

¹⁾ Ibidem.

туеть о справедливости и именно въ силу того значенія, какое этой добродѣтели усвоилось имъ (по примѣру Платона), по сравненію ея съ остальными добродѣтельными навыками. Справедливость „раскрывается Аристотелемъ, въ частности, во первыхъ, въ широкомъ смыслѣ и, во вторыхъ, въ тѣсномъ, точномъ“. Въ первомъ случаѣ „справедливость— совершенная добродѣтель, обнимающая собою все другія добродѣтели; она — добродѣтель, владѣющій которою пользуется ею не столько для себя, сколько для другихъ, — короче: она — *вся* добродѣтель, а не часть только какая либо послѣдней... Справедливость въ точномъ, болѣе узкомъ смыслѣ— *частная* добродѣтель. Между тѣмъ какъ справедливость въ широкомъ смыслѣ обнимаетъ собою всю обширную область того, съ чѣмъ вообще добродѣтельный только можетъ имѣть дѣло, справедливость въ тѣсномъ смыслѣ имѣетъ мѣсто тамъ, гдѣ дѣло идетъ о чести, деньгахъ и проч. и гдѣ это дѣло своимъ мотивомъ имѣетъ удовольствіе, происходящее отъ полученія корысти. Справедливость, понимаемая въ точномъ смыслѣ, является, въ частности, или — какъ *распредѣляющая* вообще все блага, какія только должны быть распредѣлены между гражданами извѣстнаго государства, или — какъ *исправляющая, возстановляющая* нормальныя взаимныя отношенія гражданъ. Въ основѣ справедливости *распредѣляющей* лежитъ геометрическое отношеніе; въ основѣ справедливости *возстановляющей* лежитъ отношеніе чисто арифметическое... Имѣющее мѣсто во всякомъ политическомъ обществѣ *справедливое* (τὸ πολιτικὸν δίκαιον, civile jus), въ частности, является или — какъ право естественное, соотвѣтствующее самой внутренней природѣ челоуѣка, такъ сказать, внутреннее, или какъ законное, по противоположности тому, такъ сказать, *внѣшнее* — плодъ добровольнаго взаимнаго соглашенія тѣхъ или другихъ людей“ и т. д. ¹⁾ Все намѣченныя нами стороны, какія въ рѣчи о справедливости раскрываются Аристотелемъ, въ свою очередь, выясняются и Меланхтономъ и въ томъ же самомъ духѣ ²⁾. И если при этомъ Меланхтонъ оказался не въ силахъ провести рѣзкую грань между сферами: „этической“ и „юридической“ ³⁾, то и въ

¹⁾ См. *наше* изслѣдов.; стр. 165 166. 167. 169. 170. 176.

²⁾ Luthardt; S. 50.—Ziegler; S. 459 и *друг.* *изслѣдоват.*

³⁾ Ziegler; S. 459.

данномъ случаѣ виновнымъ долженъ быть считаемъ собственно его руководитель—Аристотель, этикъ котораго, въ свою очередь, также не чужды разсматриваемый недостатокъ ¹⁾). Не говоримъ уже здѣсь о томъ, что и вообще раздѣленіе этической области отъ юридической, раздѣленіе точнѣйшее, конечно, дѣло большой трудности, особенно въ тѣ времена (т. е., при Аристотелѣ и Меланхтонѣ). И въ раскрытіи Меланхтономъ другихъ добродѣтелей его этики тамъ и сямъ болѣе или менѣе наглядно даетъ о себѣ знать известная его зависимость отъ Аристотеля, но мы ихъ касаться уже не будемъ (иначе рѣчь наша была-бы болѣе длинна, чѣмъ мы предположили), тѣмъ болѣе, что дѣло ведется Меланхтономъ обыкновенно въ общеизвестномъ средневѣковомъ схоластическомъ духѣ, безъ введенія какихъ-либо существенно новыхъ элементовъ.

Ведя рѣчь о добродѣтеляхъ, которымъ противостоятъ известныя грѣховныя обнаруженія челоуѣка, всякій моралистъ естественно задается вопросомъ: нѣтъ ли какихъ-либо проявленій челоуѣка, которыя не принадлежали бы ни къ разряду добродѣтелей, ни къ разряду пороковъ и занимали-бы, такъ сказать, срединное между тѣми положеніе, будучи нравственно-безразличными? Вопросъ о нравственно-безразличныхъ дѣйствіяхъ, какъ известно, имѣлъ длинную исторію. Не имѣя въ виду излагать послѣдней (это въ настоящемъ случаѣ и не требуется отъ насъ, съ одной стороны, а съ другой, уже сдѣлано нами въ одной изъ статей, гдѣ въ то же время выясненъ нами и самый вопросъ объ адіафорахъ по его существу) ²⁾, мы намѣтимъ лишь то, какъ отнесся къ дѣлу Меланхтонъ? Онъ является въ этой исторіи однимъ изъ звеньевъ. Предъ Меланхтономъ было налицо известное ученіе рим.-католическихъ богослововъ о такъ называемыхъ „евангельскихъ совѣтахъ“ (его мы не излагаемъ здѣсь, такъ какъ оно въ свое время уже намѣчено нами въ одной изъ нашихъ статей) ³⁾. Хотя Меланхтонъ и допускаетъ „адіафоры“, разумѣя подъ ними нѣчто такое, въ отношеніи

¹⁾ См. наше изслѣдов.; стр. 175—176.

²⁾ См. нашу статью въ „Христ. Чит.“ (Янв. 1897 г.; стр. 108—126): „Нравственно-безразличное и дозволенное“.

³⁾ См. нашу статью въ „Христ. Чит.“ (Нояб.-Дек. 1896 г.; стр. 642 и слѣд.): „Общая характеристика соврем. сост. Вѣнск. Университета etc“.

къ чему имѣть разрѣшеній или запрещеній Божіихъ, выраженныхъ какъ „*mandata Dei*“, но допускаетъ, „однако, не въ томъ смыслѣ, что онъ будто бы желаетъ возвратиться къ рим.-католическому ученію о *consilia evangelica*, которое онъ, напротивъ, ясно отвергаетъ. Онъ относитъ сюда, прежде всего церковныя церемоніи, *quae humana auctoritate institutae sunt*“. Впрочемъ, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ надлежитъ соблюдать большую осторожность: чтобъ не ввести нашихъ ближнихъ въ „соблазнъ“, не слѣдуетъ, „грѣховно относиться съ невниманіемъ къ даннымъ человѣческимъ учрежденіямъ“... ¹⁾ Сверхъ того, подобнымъ (уступчивымъ) образомъ относясь къ разсматриваемымъ рим.-католическимъ учрежденіямъ, Меланхтонъ и тѣ, кто думалъ съ нимъ одинаково, рассчитывали подготовить почву для „сближенія“ съ рим.-католиками... ²⁾ Указываютъ, при этомъ, также и то еще обстоятельство, что уже отмѣчавшаяся нами выше мягкость или даже „извѣстная слабость характера“ Меланхтона въ данномъ случаѣ также играла нѣкоторую роль. Въ силу этой именно особенности своего характера Меланхтонъ, говорятъ, и „ушелъ слишкомъ далеко въ своихъ уступкахъ рим.-католическому культу“... ³⁾.

Заслуживаетъ вниманія „строго консервативное направленіе“ Меланхтона. Онъ рекомендуетъ придерживаться существующихъ „церковныхъ обычаевъ“ и установленій. Рекомендуетъ подчиненіе государственной власти, неодобрительно относясь ко всякаго рода посягательствамъ на нее, къ „революционнымъ“ движеніямъ... При этомъ вмѣняетъ въ прямой долгъ представителямъ государственной власти заботиться о церкви и ея интересахъ: вводить благодѣтельные „церковныя реформы“, противодѣйствовать распространенію „ересей“ и „расколовъ“ всякаго рода и т. д. ⁴⁾.

Таковы наиболѣе существенныя стороны нравственнаго міровоззрѣнія Меланхтона ⁵⁾. Въ немъ находятъ много не-

¹⁾ Ziegler; S. 459--460.—Kübel: „*Christliche Ethik*“ (Zw. Theil; Münch. 1896); S. 180.

²⁾ Ср. Мартенсъ: „*Христ. уч. о нравственности*“ (въ пер. проф. А. П. Логухина); т. I; СПб. 1890. Стр. 448.

³⁾ Ziegler; S. 460.

⁴⁾ *Ibidem*; S. 460—461.

⁵⁾ Другихъ сторонъ и вообще частныхъ (очень многочисленныхъ и довольно сложныхъ) мы не имѣли въ виду касаться, желая нагнѣтить

достатковъ. Прежде всего, во всемъ міровоззрѣніи заявляетъ о себѣ уже упоминавшееся у насъ выше колебаніе Меланктоново изъ одной стороны въ другую, лавированіе между различными, оказывавшими на него воздѣйствіе, авторитетами... Это колебаніе отозвалось на дѣлѣ весьма вредно. Подъ влияніемъ этого обстоятельства (а также и другихъ, конечно, причинъ) у Меланктона не обособлены безусловно строго другъ отъ друга понятія „высочайшаго блага, добродѣтели, обязанности“: иногда они „смѣшиваются“ одно съ другимъ. Что касается, въ частности, вопроса о добродѣтели, то изъ ряда „обыкновенныхъ“ добродѣтелей, обязательныхъ для каждаго человѣка безъ исключенія, Меланктонъ выдѣляетъ такъ называемую „героическую“, опирающуюся на специфическія свойства, присущія природѣ будто-бы извѣстныхъ только лицъ, и отъ нихъ только и требуемую, и т. д. Говорятъ, что Меланктонъ не стоялъ на должной высотѣ, поскольку разсматривать его, какъ „философа“, и поэтому оказался не въ силахъ представить проникнутое „единымъ началомъ“, строго обоснованное во всѣхъ своихъ частяхъ, чуждое всякаго рода самопротиворѣчій и пр. нравственное міровоззрѣніе; говорятъ, что онъ и, „какъ человѣкъ, былъ недостаточно гениаленъ“ и проч. Обвиняютъ его также и въ томъ, что онъ не сумѣлъ освободиться изъ подъ влияния римско-католической „казуистики“, духъ которой проглядываетъ у него по мѣстамъ болѣе или менѣе ощутительно... ¹⁾.

лишь самый общій обликъ нравственнаго міровоззрѣнія Меланктона. Желаніи подробностей найдеть ихъ (конечно, прежде всего, въ самыхъ сочиненіяхъ Меланктона: см. „Corpus reformatorum“, изд. Бретинейдера и Биндсейля, — а потомъ и) въ посвященныхъ выясненію Меланктонова нравственнаго міровоззрѣнія трудахъ, каковы: *Luthardt's*: „Mel's Arbeiten im Gebiet der Moral“ (1884; Leipz.); *его-же*: цитов. нами выше „Gesch. d. chr. Ethik“ (S. 38—53); *Schwarz's*: „Melanchthon und seine Schüler, als Ethiker“ (Theolog. Stud. und Kritik. 1853 Heft. 1); *Ziegler's* цитов. сочин. (S. 454—462); *Gass's*: „Geschichte der christlichen Ethik“ (Zweiten Bandes erste Abtheilung; Berlin. 1886. S. 55 и слѣд.); *Költzsch's*: „Mel's philosophische Ethik“ (Jnauguraldissertat. 1889. Freib.); *Herrlinger's*: „Die Theolog. Mel's in ihrer geschichtl. Entwicklung“ (1879; Gotha. „Die Ethik Mel's“ см. на страницахъ: 209—343) и друг. (ср. юбилейныя сочин.: *Harnack's*, *Dorner's*, *Kirn's*, *Ziegler's*, *Evers's*, *Krizko*, *Rinn's*, *Lenz's*, *Loesche*, *Bihl's*, *Seeberg's*, *Blass's*, *Zahn's* и друг.; всѣ они помѣчены „1897-мъ“ годомъ).

¹⁾ *Ziegler*; S. 456. 458. 459. 461. 462.

Но, какъ бы то ни было, а заслуга Меланхтона для этики все-таки несомнѣнна: онъ нѣсколько оживилъ изученіе и разработку этическихъ вопросовъ, въ данномъ случаѣ послужилъ отчасти исходною точкою, опредѣлявшею направленіе трудовъ дальнѣйшихъ протестантскихъ богослововъ-моралистовъ и проч. ¹⁾ Для того времени, находившагося въ своеобразныхъ (общеизвѣстныхъ) условіяхъ, важно уже и это... ²⁾.

А. Бронзовъ.

26 Марта 1897 г.

¹⁾ Сравни. Gass'a цитов. соч. S. 57—58; ср. отч. Ziegl. S. 462 и друг.

²⁾ Въ *Апрѣль мѣсяцъ* (4-го) текущаго года исполняется 1500 лѣтъ со дня смерти св. Амвросія Медиоланскаго, нравственные взгляды котораго (какъ и Меланхтона) слагались также *подъ вліяніемъ* классической древности, въ частности Цицерона (ср. особенно „de officiis“ Цицерона и „de officiis ministrorum“ св. Амвросія). Эти два явленія (т. е., нравственное мировоззрѣніе св. Амвросія и Меланхтона), отдѣленные одно отъ другого столь большимъ промежуткомъ времени (въ одиннадцать вѣковъ), представляютъ собой весьма характерный моментъ въ исторіи развитія христіанской науки о нравственности: они, съ одной стороны, показываютъ, какъ сильно вообще было въ продолженіи 15-ти слишкомъ христіанскихъ столѣтій вліяніе нравственныхъ воззрѣній древне-классической (греко-римской) философіи: ея представителей — Аристотеля и Цицерона (кроме нихъ, особенное значеніе имѣлъ въ различныя времена и Платонъ); а съ другой стороны, эти-же явленія говорятъ и о томъ, какъ туго шло впередъ въ теченіи всего указаннаго времени дѣло развитія специально христіанской, самостоятельной христіанской науки о нравственности, какъ это дѣло крѣпко стояло почти на одной и той-же точкѣ, не двигаясь сколько-нибудь существенно впередъ. Толчекъ былъ данъ лишь съ теченіемъ времени, особенно съ „легкой“, по крайней мѣрѣ, въ этомъ смыслѣ руки Канта. Разсматриваемые два юбилея наводятъ насъ, какъ интересующихся специально нравственными вопросами, на указаннаго рода размышленія. — При этомъ, мы ограничились краткой характеристикой основныхъ взглядовъ *только* Меланхтона потому, что о воззрѣніяхъ св. Амвросія (специально разсмотрѣнныхъ Bittner'омъ, Leitmeier'омъ, Hasler'омъ, Dräseke, Reeb'омъ, Ewald'омъ, Förster'омъ и многими другими западными учеными) всякій желающій найдетъ достаточныя на первый взглядъ свѣдѣнія въ солидной статьѣ о *Молодежскою: „De officiis Цицерона и св. Амвросія Медиоланскаго“* (Вира и, Разумъ“. 1887 г.), слѣдовательно, доступной и всякому русскому читателю.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Подразделениями академии являются: собственно академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский Амвросий. Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки